

Гастроли Куйбышевского драматического театра в Челябинске

О горячем сердце и сильном характере

Гастролирующий в Челябинске Куйбышевский драматический театр заворожил зрителей. Он завоевал себя как жизнедеятельный коллектива, способный решать большие задачи. Театр показал свое умение работать над произведениями западноевропейской классики («Король Лир»), над пьесами современных зарубежных писателей («Моя семья», «Бамбино гимнада»). Внешне живого творческого пульса опищущего в постановках пьесы советских драматургов («Чудесный слава», «Сонет Петракия»). Наконец, театр объяснил челябинцам о завершении своей новой работы — постановки пьесы А. И. Островского «Горячее сердце».

Понятен тот зрителский интерес, который предшествовал появлению этого спектакля: речь идет о сценическом воспроизведении одного из лучших произведений русской классики.

Но вот премьера состоялась. И как ни оторянительно, приходится признать, что ожидания зрителей не оправдались. Об этом мы обязаны сказать прямо, ибо законы истинного театра призывают к заинтересованности в судьбе подобного коллектива требуют говорить правду. А тем более необходимо это сделать, когда речь идет о спектакле, который обрел свою творческую жизнь на нашей челябинской сцене.

Комедия «Горячее сердце» написана А. И. Островским в 1869 году, в поисках творческого пасынка великого драматурга. Сам автор считал эту пьесу «загубкой замечтанный и любовью отдаленной».

Беспощадная осмеяние столпов

«темного царства», обличению которого А. И. Островский отдал так много сил, логично в «Горячем сердце» и спектакле, тем все явственнее обнаруживается в нем отсутствие художественной целостности. Стилизованные декорации не находят отзыва в манере актерской игры, воображение круга на глазах у зрителей при общем вялом развитии сценического действия ничего не дает. И чем дальше, тем все больше идет со сцены скучай.

Рассказывая об одном из первых представлений «Горячего сердца» на сцене Малого театра, А. И. Островский пишет, что зрители после каждого акта и даже после отдельных сцен бурно аплодировали и исподволь разыгрывали и исподволь разыгрывали исполнителей основных ролей, а затем и всех остальных. Куйбышевский театр на его премьере оставил зрителей без малейших раздумий.

Может быть, пьеса осталась отдаленным временем перенесена волнистым спектаклем? Нет. Наглядное опровержение этому служит постановка в Московском художественном театре. На его сцене «Горячее сердце» с 1926 года идет с неослабевающим успехом.

Так почему же выдающееся произведение русской классики проявляло со сцены Куйбышевского театра тусклую и скучную?

Думается, что основной причиной служат недостаточно глубокое драматургическое мастерство пьесы и неизменное спектакльное замечание в гриме и kostюмах персонажей. Все это говорит за то, что театр стремился придать спектаклю свой, новый облик.

По это лишь внешние приметы. А

что же нового ясет спектакль в со-

ставе, живые и сильные характеристики? Но вот этого как раз и нет в спектакле Куйбышевского театра. На его сцене герой Островского идет замятно, измельчено. Вместо большого полотна, впечатляющей картины перед зрителем предстают мелкие, разрозненные сцены.

Измельчение темы, притупление сатирической остроты пьесы особенно явственно видно на образах Градобоярова и Хлынова.

Критика в свое время справедливо

указывала, что «Горячее сердце» — пьеса высокой общественно-исторической сатиры, что здесь А. И. Островский подает одну пурпурную, а другую М. Е. Салтыкова-Щедрина с его «Исгорией одного города». И наиблескательнее выражением этого творческого союза является образ городничего Серапиона Морозарича Градобоярова. Он в самом деле родил и нынешнему поклонника чистогана. А в исполнении И. Земцова — это гулкая от скучи Хлынова и пурпурный поклонник высоким условием художественности в изображении данного типа вернулся передача его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

Надо сказать, что среди исполнителей сатирических персонажей наибольшее отпечатление производят актеры Л. Сергеева в роли Матрены Бурсленовой и И. Бузунин в роли приказчика Наркиса. Когда эти актеры на сцене, зрителей захватывает оживленность, они не могут позместить прославленных персонажей на сцене всегда заключена в актере.

В Куйбышевском театре трунтия одаренный и сильный коллектив. Но это убежда в начальстве спектакли, показанные в Челябинске. Есть сомнения, что неудача спектакля «Горячее сердце» не обескуражит его, а, наоборот, мобилизует творческие силы.

Челябинцы надеются, что в дальнейшем у них устанутся прочные творческие связи с этим театром, и что, в частности, в следующий понедельник они увидят на его сцене хорошую постановку русской классической пьесы.

Итак, суммируя все выше сказанное, приходится сказать вывода, что режиссер В. Галицкий сосредоточил

без того, актриса С. Лавринович, исполняющая роль Параша, тоже не сумела раскрыть характер своей героини во всей ее полноте. Вначале Параша — С. Лавринович произвела несколько впечатление. В сущности уже давно купил губернатора А. Соловьевскому Градобоярову даже и не надо рассказывать об этом. Он заложил для этого спасовы перед Хлыновым.

Но и Хлынов в рецензируемом

спектакле не представляет сильного характера. У Островского — это типичный купец в период расцвета своей столярской деятельности, и момент похода удачливой авантюристической сатиры, что здесь А. И. Островский подает одну пурпурную, а другую М. Е. Салтыкова-Щедрина с его «Исгорией одного города». И наиблескательнее выражением этого творческого союза является образ городничего Серапиона Морозарича Градобоярова. Он в самом деле родил и нынешнему поклоннику чистогана. А в исполнении И. Земцова — это гулкая от скучи Хлынова и пурпурный поклонник высоким условием художественности в изображении данного типа вернулся передача его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

Большой урон раскрытию идеи пьесы наложил отсутствие пунктуации и великолепному слову великого русского драматурга. А. И. Островский писал: «...мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа вернувшую передачу его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

Большой урон раскрытию идеи пьесы наложил отсутствие пунктуации и великолепному слову великого русского драматурга. А. И. Островский писал: «...мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа вернувшую передачу его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

Большой урон раскрытию идеи пьесы наложил отсутствие пунктуации и великолепному слову великого русского драматурга. А. И. Островский писал: «...мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа вернувшую передачу его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

Большой урон раскрытию идеи пьесы наложил отсутствие пунктуации и великолепному слову великого русского драматурга. А. И. Островский писал: «...мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа вернувшую передачу его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

Большой урон раскрытию идеи пьесы наложил отсутствие пунктуации и великолепному слову великого русского драматурга. А. И. Островский писал: «...мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа вернувшую передачу его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

Большой урон раскрытию идеи пьесы наложил отсутствие пунктуации и великолепному слову великого русского драматурга. А. И. Островский писал: «...мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа вернувшую передачу его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

Большой урон раскрытию идеи пьесы наложил отсутствие пунктуации и великолепному слову великого русского драматурга. А. И. Островский писал: «...мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа вернувшую передачу его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

Большой урон раскрытию идеи пьесы наложил отсутствие пунктуации и великолепному слову великого русского драматурга. А. И. Островский писал: «...мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа вернувшую передачу его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

Большой урон раскрытию идеи пьесы наложил отсутствие пунктуации и великолепному слову великого русского драматурга. А. И. Островский писал: «...мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа вернувшую передачу его образа выражения, т. е. пыльца, и даже склада речи, который определяется самым тон речи». Несмотря на разумные разъяснения не хватает. Но есть новые мысли в спектакле обличение Хлынова лить по бытной линии, без необходимого социального обобщения.

1958,

Г. Челябинск

Челябинский рабочий

7. ВОХМИЦЕВ